

ОТКРЫТАЯ ФОРМА

Хайруллин Айрат

Айрат Хайруллин
Открытая форма

«Автор»

2025

Хайруллин А. А.

Открытая форма / А. А. Хайруллин — «Автор», 2025

Что делать, когда абсурд становится реальностью? Когда после бессонной ночи на подстанции, где от твоей бдительности зависят тысячи людей, тебя останавливает инспектор ГИБДД — молодой, усердный и подозрительный. Красные глаза? Явно пил. Никаких оправданий. Алкотестера нет? Не беда — дышите в форменную шапку. Этот рассказ — о моменте, когда усталость встречается с бюрократическим абсурдом, а отчаяние рождает гениальную импровизацию. О том, как одна фраза способна изменить расклад сил и превратить придорожный досмотр в сцену, достойную Гоголя и Кафки одновременно. Но главное — это история о нашем времени, где подозрительность стала болезнью в открытой форме, передающейся воздушно-капельным путём. Где каждый должен доказывать своё право на нормальность. Где усталость принимают за порок, а человечность теряется где-то между параграфами инструкций. Смешно? Грустно? А может, узнаваемо до боли?

© Хайруллин А. А., 2025

© Автор, 2025

Айрат Хайруллин

Открытая форма

Новый инспектор появился у нас в Иглино в начале октября – как раз когда деревья стали сбрасывать листву, обнажая скелеты веток, и воздух наполнился той особенной тревожностью, которая свойственна башкирской осени. Он был молод, усерден и явно горел желанием доказать что-то – себе, начальству или всему миру сразу. Таких я видел много за свою диспетчерскую жизнь: они приходят с горящими глазами, уверенные, что именно им суждено навести порядок там, где все предшественники потерпели фиаско. Обычно через полгода они либо уезжают, либо превращаются в циничных профессионалов, для которых остановка машины – не миссия, а рутина.

Я возвращался с ночной смены – той самой, когда глаза превращаются в два воспалённых шара, а мысли текут вязко, как варенье из переспелых яблок. Диспетчерская на федеральной подстанции – это не офис в башне из стекла и бетона, где можно позволить себе роскошь отвлечься на кофе-брейк. Это зона абсолютной концентрации, где одна ошибка может оставить без света половину региона. В ту ночь произошла авария на линии – трансформатор вышел из строя, и я четыре часа координировал действия бригад, глядя в монитор так пристально, будто пытался разглядеть в нём смысл бытия. К утру у меня болела не только голова, но и душа – от того особого экзистенциального напряжения, которое возникает, когда понимаешь: от тебя зависят тысячи людей, и ты не имеешь права на ошибку.

Восемь утра. Пустая дорога. Я уже представлял, как приеду домой, выпью крепкого чая с мёдом – у меня башкирский мёд, тёмный, густой, с привкусом разнотравья – и провалюсь в сон. Но судьба, как известно, любит вносить коррективы в наши планы. Инспектор материализовался из утреннего тумана, словно персонаж готического романа, и взмахом полосатого жезла остановил мой мир.

– Документы, – произнёс он с той особенной интонацией, которая одновременно выражает и вежливость, и непреклонность.

Я протянул права и техпаспорт. Он изучал их долго, слишком долго – будто это были не бюрократические бумаги, а древние свитки, требующие расшифровки. Потом поднял взгляд на меня и произнёс фразу, которая стала началом абсурдистской пьесы:

– Что-то у вас глаза красные.

В этом замечании была вся суть нашего времени – эпохи подозрительности, когда любое отклонение от нормы воспринимается как признак нарушения. Красные глаза? Значит, пил. Бледное лицо? Наркотики. Улыбаешься? Подозрительно. Не улыбаешься? Тоже подозрительно. Мы живём в мире, где презумпция невиновности незаметно трансформировалась в презумпцию виновности, и каждому приходится доказывать своё право на нормальность.

– Я работаю диспетчером на подстанции, – объяснил я с той усталой обречённостью, которая появляется у человека, вынужденного оправдываться за то, что работал всю ночь. – Была очень сложная смена, всю ночь от монитора глаз не отрывал. Авария на линии. Глаза очень болят.

– Все так говорят, – отрезал он с убеждённой уверенностью следователя, раскрывшего преступление века. – Пройдёмте, проверим в нашем автомобиле.

«Все так говорят» – эта фраза достойна войти в антологию советских и постсоветских речевых клише наряду с «так не принято» и «все побежали, и ты побежал». В ней заключена вся философия недоверия, выращенная поколениями людей, привыкших не верить никому, кроме приборов. Хотя приборам тоже не особо верят – но они хотя бы не врут сознательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.